

Четыре миллиона

Дары волхвов

Один доллар восемьдесят семь центов. Это было все. Из них шестьдесят центов монетками по одному центу. За каждую из этих монеток пришлось торговаться с бакалейщиком, зеленщиком, мясником так, что даже уши горели от безмолвного неодобрения, которое вызывала подобная бережливость. Делла пересчитала три раза. Один доллар восемьдесят семь центов. А завтра Рождество.

Единственное, что тут можно было сделать, это хлопнуться на старенькую кушетку и зареветь. Именно так Делла и поступила. Откуда напрашивается философский вывод, что жизнь состоит из слез, вздохов и улыбок, причем вздохи преобладают.

Пока хозяйка дома проходит все эти стадии, оглядим самый дом. Меблированная квартирка за восемь долларов в неделю. В обстановке не то чтобы вопиющая нищета, но скорее красноречиво молчащая бедность. Внизу, на парадной двери, ящик для писем, в щель которого не протиснулось бы ни одно письмо, и кнопка электрического звонка, из которой ни одному смертному не удалось бы выдать ни звука. К сему присовокуплялась карточка с надписью «М-р Джеймс Диллингем Юнг». «Диллингем» развернулось во всю длину в недавний период благосостояния, когда обладатель указанного имени получал тридцать долларов в неделю. Теперь, после того как этот доход понизился до двадцати долларов, буквы в слове «Диллингем» потускнели, словно не на шутку задумавшись: а не сократиться ли им в скромное и непритязательное «Д»? Но когда мистер Джеймс Диллингем Юнг приходил домой и поднимался к себе на верхний этаж, его неизменно встречал возглас: «Джим!» и не-

жные объятия миссис Джеймс Диллингем Юнг, уже представленной вам под именем Деллы. А это, право же, очень мило.

Делла кончила плакать и прошлась пуховкой по щекам. Она теперь стояла у окна и уныло глядела на серую кошку, прогуливавшуюся по серому забору вдоль серого двора. Завтра Рождество, а у нее только один доллар восемьдесят семь центов на подарок Джиму! Долгие месяцы она выгадывала буквально каждый цент, и вот все, чего она достигла. На двадцать долларов в неделю далеко не уедешь. Расходы оказались больше, чем она рассчитывала. С расходами всегда так бывает. Только доллар восемьдесят семь центов на подарок Джиму! Ее Джиму! Сколько радостных часов она провела, придумывая, что бы такое ему подарить к Рождеству. Что-нибудь совсем особенное, редкостное, драгоценное, что-нибудь, хоть чуть-чуть достойное высокой чести принадлежать Джиму.

В простенке между окнами стояло трюмо. Вам никогда не приходилось смотреться в трюмо восьмидолларовой мебелированной квартиры? Очень худой и очень подвижный человек может, наблюдая последовательную смену отражений в его узких створках, составить себе довольно точное представление о собственной внешности. Делле, которая была хрупкого сложения, удалось овладеть этим искусством.

Она вдруг отскочила от окна и бросилась к зеркалу. Глаза ее сверкали, но с лица за двадцать секунд сбежали краски. Быстрым движением она вытащила шпильки и распустила волосы.

Надо вам сказать, что у четы Джеймс Диллингем Юнг было два сокровища, составлявших предмет их гордости. Одно — золотые часы Джима, принадлежавшие его отцу и деду, другое — волосы Деллы. Если бы царица Савская проживала в доме напротив, Делла, помыв голову, непременно просушивала бы у окна распущенные волосы — специально для того, чтобы заставить померкнуть все наряды и украшения ее величества. Если бы царь Соломон служил в том же доме швейцаром и хранил в подвале все свои богатства, Джим, проходя мимо, всякий раз доставал бы часы из кармана — специально для того, чтобы увидеть, как он рвет на себе бороду от зависти.

И вот прекрасные волосы Деллы рассыпались, блестя и переливаясь, точно струи каштанового водопада. Они спускались ниже колен и плащом окутывали почти всю ее фигуру. Но она тотчас же, нервничая и

торопясь, принялась снова подбирать их. Потом, словно заколебавшись, с минуту стояла неподвижно, и две или три слезинки упали на ветхий красный ковер.

Старенький коричневый жакет на плечи, старенькую коричневую шляпку на голову — и, взметнув юбками, сверкнув невысохшими блестками в глазах, она уже мчалась вниз, на улицу.

Вывеска, у которой она остановилась, гласила: «*M-me. Sophronie. Всевозможные изделия из волос*». Делла взбежала на второй этаж и остановилась, с трудом переводя дух.

— Не купите ли вы мои волосы? — спросила она у мадам.

— Я покупаю волосы, — ответила мадам. — Снимите шляпу, надо посмотреть товар.

Снова заструился каштановый водопад.

— Двадцать долларов, — сказала мадам, привычно взвешивая на руке густую массу.

— Давайте скорее, — сказала Делла.

Следующие два часа пролетели на розовых крыльях — прошу прощения за избитую метафору. Делла рыскала по магазинам в поисках подарка для Джима.

Наконец она нашла. Без сомнения, это было создано для Джима, и только для него. Ничего подобного не нашлось в других магазинах, а уж она все в них перевернула вверх дном. Это была платиновая цепочка для карманных часов, простого и строгого рисунка, пленявшая истинными своими качествами, а не показным блеском, — такими и должны быть все хорошие вещи. Ее, пожалуй, даже можно было признать достойной часов. Как только Делла увидела ее, она поняла, что цепочка должна принадлежать Джиму. Она была такая же, как сам Джим. Скромность и достоинство — эти качества отличали обоих. Двадцать один доллар пришлось уплатить в кассу, и Делла поспешила домой с восьмьюдесятью семью центами в кармане. При такой цепочке Джиму в любом обществе не зазорно будет поинтересоваться, который час. Как ни великолепны были его часы, а смотрел он на них часто украдкой, потому что они висели на дрянном кожаном ремешке.

Дома оживление Деллы поулеглось и уступило место предусмотрительности и расчету. Она достала щипцы для завивки, зажгла газ и приня-

лась исправлять разрушения, причиненные великодушием в сочетании с любовью. А это всегда тягчайший труд, друзья мои, исполинский труд.

Не прошло и сорока минут, как ее голова покрылась крутыми мелкими локончиками, которые сделали ее удивительно похожей на мальчишку, удравшего с уроков. Она посмотрела на себя в зеркало долгим, внимательным и критическим взглядом.

«Ну, — сказала она себе, — если Джим не убьет меня сразу, как только взглянет, он решит, что я похожа на хористку с Кони-Айленда. Но что же мне было делать, ах, что же мне было делать, раз у меня был только доллар и восемьдесят семь центов!»

В семь часов кофе был сварен, и раскаленная сковорода стояла на газовой плите, дожидаясь бараньих котлеток.

Джим никогда не запаздывал. Делла зажала платиновую цепочку в руке и уселась на краешек стола поближе к входной двери. Вскоре она услышала его шаги внизу на лестнице и на мгновение побледнела. У нее была привычка обращаться к Богу с коротенькими молитвами по поводу всяких житейских мелочей, и она торопливо зашептала:

— Господи, сделай так, чтобы я ему не разодралась!

Дверь отворилась, Джим вошел и закрыл ее за собой. У него было худое, озабоченное лицо. Нелегкое дело в двадцать два года быть обремененным семьей! Ему уже давно нужно было новое пальто, и руки мерзли без перчаток.

Джим неподвижно замер у дверей, точно сеттер, учуявший перепела. Его глаза остановились на Делле с выражением, которого она не могла понять, и ей стало страшно. Это не был ни гнев, ни удивление, ни упрек, ни ужас — ни одно из тех чувств, которых можно было бы ожидать. Он просто смотрел на нее, не отрывая взгляда, и лицо его не меняло своего странного выражения.

Делла соскочила со стола и бросилась к нему.

— Джим, милый, — закричала она, — не смотри на меня так! Я остригла волосы и продала их, потому что я не пережила бы, если б мне нечего было подарить тебе к Рождеству. Они опять отрастут. Ты ведь не сердишься, правда? Я не могла иначе. У меня очень быстро растут волосы. Ну, поздравь меня с Рождеством, Джим, и давай радоваться празднику. Если б ты знал, какой я тебе подарок приготовила, какой замечательный, чудесный подарок!

— Ты остригла волосы? — спросил Джим с напряжением, как будто, несмотря на усиленную работу мозга, он все еще не мог осознать этот факт.

— Да, остригла и продала, — сказала Делла. — Но ведь ты меня все равно будешь любить? Я ведь все та же, хоть и с короткими волосами.

Джим недоуменно оглядел комнату.

— Так, значит, твоих кос уже нет? — спросил он с бессмысленной настойчивостью.

— Не ищи, ты их не найдешь, — сказала Делла. — Я же тебе говорю: я их продала — остригла и продала. Сегодня сочельник, Джим. Будь со мной поласковее, потому что я это сделала для тебя. Может быть, волосы на моей голове и можно пересчитать, — продолжала она, и ее нежный голос вдруг зазвучал серьезно, — но никто, никто не мог бы измерить мою любовь к тебе! Жарить котлеты, Джим?

И Джим вышел из оцепенения. Он заключил свою Деллу в объятия. Будем скромны и на несколько секунд займемся рассмотрением какого-нибудь постороннего предмета. Что больше — восемь долларов в неделю или миллион в год? Математик или мудрец дадут вам неправильный ответ. Волхвы принесли драгоценные дары, но среди них не было одного. Впрочем, эти туманные намеки будут разъяснены далее.

Джим достал из кармана пальто сверток и бросил его на стол.

— Не пойми меня ложно, Делл, — сказал он. — Никакая прическа и стрижка не могут заставить меня разлюбить мою девочку. Но разверни этот сверток, и тогда ты поймешь, почему я в первую минуту немножко оторопел.

Белые проворные пальчики рванули бечевку и бумагу. Последовал крик восторга, тотчас же — увы! — чисто по-женски сменившийся потоком слез и стонов, так что потребовалось немедленно применить все успокоительные средства, имевшиеся в распоряжении хозяина дома.

Ибо на столе лежали гребни, тот самый набор гребней — один задний и два боковых, — которым Делла давно уже благоговейно любовалась в одной витрине Бродвея. Чудесные гребни, настоящие черепаховые, с вделанными в края блестящими камешками, и как раз под цвет ее каштановых волос. Они стоили дорого — Делла знала это, — и сердце ее долго изнывало и томилось от несбыточного желания обладать ими. И

вот теперь они принадлежали ей, но нет уже прекрасных кос, которые украсил бы их вожделенный блеск.

Все же она прижала гребни к груди и, когда, наконец, нашла в себе силы поднять голову и улыбнуться сквозь слезы, сказала:

— У меня очень быстро растут волосы, Джим!

Тут она вдруг подскочила, как ошпаренный котенок, и воскликнула:

— Ах, боже мой!

Ведь Джим еще не видел ее замечательного подарка. Она поспешно протянула ему цепочку на раскрытой ладони. Матовый драгоценный металл, казалось, заиграл в лучах ее бурной и искренней радости.

— Разве не прелесть, Джим? Я весь город обегала, покуда нашла это. Теперь можешь хоть сто раз в день смотреть, который час. Дай-ка мне часы. Я хочу посмотреть, как это будет выглядеть все вместе.

Но Джим, вместо того чтобы послушаться, лег на кушетку, подложил обе руки под голову и улыбнулся.

— Делл, — сказал он, — придется нам пока спрятать наши подарки, пусть полежат немножко. Они для нас сейчас слишком хороши. Часы я продал, чтобы купить тебе гребни. А теперь, пожалуй, самое время жарить котлеты.

Волхвы, те, что принесли дары младенцу в яслях, были, как известно, мудрые, удивительно мудрые люди. Они-то и завели моду делать рождественские подарки. И так как они были мудры, то и дары их были мудры, может быть, даже с оговоренным правом обмена в случае непригодности. А я тут рассказал вам ничем не примечательную историю про двух глупых детей из восьмидолларовой квартирки, которые самым немудрым образом пожертвовали друг для друга своими величайшими сокровищами. Но да будет сказано в назидание мудрецам наших дней, что из всех дарителей эти двое были мудрейшими. Из всех, кто подносит и принимает дары, истинно мудры лишь подобные им. Везде и всюду. Они и есть волхвы.

В антракте

Майская луна ярко освещала частный пансион миссис Мэрфи. Загляните в календарь, и вы узнаете, какой величины площадь освещали в тот вечер ее лучи. Лихорадка весны была в полном разгаре, а за ней должна была последовать сенная лихорадка. В парках показались молодые листочки и закупщики из западных и южных штатов. Расцвели цветы, и процветали курортные агенты; воздух и судебные приговоры становились мягче; везде играли шарманки, фонтаны и картежники.

Окна пансиона миссис Мэрфи были открыты. Кучка жильцов сидела на высоком крыльце, на круглых и плоских матах, похожих на блинчики. У одного из окон второго этажа миссис Мак-Каски поджидала мужа. Ужин стыл на столе. Жар из него перешел в миссис Мак-Каски. Мак-Каски явился в девять. На руке у него было пальто, в зубах трубка. Он попросил извинения за беспокойство, проходя между жильцами и осторожно выбирая место, куда поставить ногу в ботинке невероятных размеров.

Открыв дверь в комнату, он был приятно изумлен: вместо конфорки от печи или машинки для картофельного пюре в него полетели только слова.

Мистер Мак-Каски решил, что благосклонная майская луна смягчила сердце его супруги.

— Слышала я тебя, — долетели до него суррогаты кухонной посуды. — Перед всякой дрянью ты извиняешься, что наступил ей на хвост своими ножищами, а жене ты на шею наступишь и не почешешься, а я-то жду его не дожусь, все глаза проглядела, и ужин остыл, купила ка-

кой-никакой на последние деньги, ты ведь всю получку пропиваешь по субботам у Галлегера, а нынче уж два раза приходили за деньгами от газовой компании.

— Женщина, — сказал мистер Мак-Каски, бросая пальто и шляпу на стул, — этот шум портит мне аппетит. Не относись презрительно к вежливости, этим ты разрушаешь цемент, скрепляющий кирпичи в фундаменте общества. Если дамы загораживают дорогу, то мужчина просто обязан спросить разрешения пройти между ними. Будет тебе выставлать свое свиное рыло в окно, подавай на стол.

Миссис Мак-Каски тяжело поднялась с места и пошла к печке. По некоторым признакам Мак-Каски сообразил, что добра ждать нечего. Когда углы ее губ опускались вниз наподобие барометра, это предвещало град — фаянсовый, эмалированный и чугунный.

— Ах, вот как, свиное рыло? — возразила миссис Мак-Каски и швырнула в своего повелителя полную кастрюльку тушеной репы.

Мак-Каски не был новичком в такого рода дуэтах. Он знал, что должно следовать за вступлением. На столе лежал кусок жареной свинины, украшенный трилистником. Этим он и ответил, получив отпор в виде хлебного пудинга в глиняной миске. Кусок швейцарского сыра, метко пущенный мужем, подбил глаз миссис Мак-Каски. Она нацелилась в мужа кофейником, полным горячей, черной, не лишенной аромата, жидкости; этим заканчивалось меню, а, следовательно, и битва.

Но Мак-Каски был не какой-нибудь завсегдатай грошового ресторана. Пускай нищая богема заканчивает свой обед чашкой кофе. Это дело нехитрое. Он сделает кое-что похитрее. Чашки для полоскания рук были ему небезызвестны. В пансионе Мэрфи их не полагалось, но эквивалент был под руками. Он торжествующе швырнул умывальную чашку в голову своей супруги-противницы. Миссис Мак-Каски увернулась вовремя. Она схватила утюг, надеясь с его помощью успешно закончить эту гастрономическую дуэль. Но громкий вопль внизу остановил ее и мистера Мак-Каски и заставил их заключить перемирие.

На тротуаре перед домом стоял полисмен Клири и, насторожив ухо, прислушивался к грохоту разбиваемой вдребезги домашней утвари.

«Опять это Джон Мак-Каски со своей хозяйкой, — размышлял полисмен. — Пойти, что ли, разнять их. Нет, не пойду. Люди они семейные,

развлечений у них мало. Да небось скоро и кончат. Не занимать же для этого тарелки у соседей».

И как раз в эту минуту в нижнем этаже раздался пронзительный вопль, выражающий испуг или безысходное горе.

— Кошка, должно, — сказал полисмен Клири и быстро зашагал прочь.

Жильцы, сидевшие на ступеньках, переполошились. Мистер Туми, страховой агент по происхождению и аналитик по профессии, вошел в дом, чтобы исследовать причины вопля. Он возвратился с известием, что мальчик миссис Мэрфи, Майк, пропал неизвестно куда. Вслед за вестником выскочила сама миссис Мэрфи — двухсотфунтовая дама, в слезах и истерике, хватая воздух и вопия к небесам об утрате тридцати фунтов веснушек и проказ. Вульгарное зрелище, конечно, но мистер Туми сел рядом с модисткой мисс Пурди, и руки их сочувственно встретились. Сестры Уолш, старые девы, вечно жаловавшиеся на шум в коридорах, тут же спросили, не спрятался ли мальчик за стоячими часами? Майор Григ, сидевший на верхней ступеньке рядом со своей толстой женой, встал и застегнул сюртук.

— Мальчик пропал? — воскликнул он. — Я обыщу весь город.

Его жена обычно не позволяла ему выходить из дому по вечерам. Но тут она сказала баритоном:

— Ступай, Людовик! Кто может смотреть равнодушно на горе матери и не бежит к ней на помощь, у того каменное сердце.

— Дай мне центов тридцать или, лучше, шестьдесят, милочка, — сказал майор. — Заблудившиеся дети иногда уходят очень далеко. Может, мне понадобится на трамвай.

Старик Денни, жилец с четвертого этажа, который сидел на самой нижней ступеньке и читал газету при свете уличного фонаря, перевернул страницу, дочитывая статью о забастовке плотников. Миссис Мэрфи вопила, обращаясь к луне:

— О-о, где мой Майк, ради господ бога, где мой сыночек?

— Когда вы его видели последний раз? — спросил старик Денни, косясь одним глазом на заметку о союзе строителей.

— Ох, — стонала миссис Мэрфи, — может, вчера, а может, четыре часа тому назад. Не припомню. Только пропал он, пропал мой сыночек

Майк. Нынче утром играл на тротуаре, а может, это было в среду? Столько дела, где ж мне припомнить, когда это было? Я весь дом обыскала, от чердака до погреба, нет как нет, пропал да и только. О, ради господ бога...

Молчаливый, мрачный, громадный город всегда стойко выдерживал нападки своих хулителей. Они говорят, что он холоден, как железо, говорят, что жалостливое сердце не бьется в его груди; они сравнивают его улицы с глухими лесами, с пустынями застывшей лавы. Но под жесткой скорлупой омара можно найти вкусное, сочное мясо. Возможно, какое-нибудь другое сравнение было бы здесь более уместно. И все-таки обижаться не стоит. Мы не стали бы называть омаром того, у кого нет хороших, больших клешней.

Ни одно горе не трогает неискушенное человеческое сердце сильнее, чем пропажа ребенка. Детские ножки такие слабые, неуверенные, а дороги такие трудные и крутые.

Майор Григ юркнул за угол и, пройдя несколько шагов по улице, зашел в заведение Билли.

— Налейте-ка мне стопку, — сказал он официанту. — Не видели вы такого кривоногого, чумазого дьяволенка лет шести, он где-то тут заблудился?

На крыльце мистер Туми все еще держал руку мисс Пурди.

— Подумать только об этом милом-милом крошке! — говорила мисс Пурди. — Он заблудился, один, без своей мамочки, может быть, уже попал под звонкие копыта скачущих коней, ах, какой ужас!

— Да, не правда ли? — согласился мистер Туми, пожимая ей руку. — Может, мне пойти поискать его?

— Это, конечно, ваш долг, — отвечала мисс Пурди. — Но, боже мой, мистер Туми, вы такой смелый, такой безрассудный, вдруг с вами что-нибудь случится, тогда как же...

Старик Денни читал о заключении арбитражной комиссии, водя пальцем по строчкам.

На втором этаже мистер и миссис Мак-Каски подошли к окну перевести дух. Согнутым пальцем мистер Мак-Каски счищал тушеную репу с жилетки, а его супруга вытирала глаз, заслезившийся от соленой свинины. Услышав крики внизу, они высунули головы в окно.

— Маленький Майк пропал, — сказала миссис Мак-Каски, понизив голос, — такой шалун, настоящий ангелочек!

— Мальчишка куда-то девался? — сказал Мак-Каски, высовываясь в окно. — Экое несчастье, прямо беда. Дети другое дело. Вот если б баба пропала, я бы слова не сказал, без них куда спокойней.

Не обращая внимания на эту шпильку, миссис Мак-Каски схватила мужа за плечо.

— Джон, — сказала она сентиментально, — пропал сыночек миссис Мэрфи. Город такой большой, долго ли маленькому мальчику заблудиться! Шесть годочков ему было, Джон, и нашему сынку было бы столько же, кабы он родился шесть лет тому назад.

— Да ведь он не родился, — возразил мистер Мак-Каски, строго придерживаясь фактов.

— А если б родился, какое бы у нас было горе нынче вечером, ты подумай: наш маленький Филан неизвестно где, может, заблудился, может, украли.

— Глупости несешь, — ответил Мак-Каски. — Назвали бы его Пат, в честь моего старика в Кэнтриме.

— Врешь! — без гнева сказала миссис Мак-Каски. — Мой брат стоил сотни таких, как твои вшивые Мак-Каски. В честь него мы и назвали бы мальчика. — Облокотившись на подоконник, она посмотрела вниз, на толкотню и суматоху.

— Джон, — сказала миссис Мак-Каски нежно, — прости, я погорячилась.

— Да, — ответил муж, — пудинг был горячий, это верно, а репа еще горячее, а кофе так прямо кипяток. Можно сказать, горячий ужин, правда твоя.

Миссис Мак-Каски взяла мужа под руку и погладила его шершавую ладонь.

— Ты послушай, как убивается бедная миссис Мэрфи, — сказала она. — Ведь это просто ужас, такому крошке заблудиться в таком большом городе. Если б это был наш маленький Филан, у меня бы сердце разорвалось.

Мистер Мак-Каски неловко отнял свою руку, но тут же обнял жену за плечи.

— Глупость, конечно, — сказал он грубовато, — но я бы и сам убивался, если б нашего... Пата украли или еще что-нибудь с ним случилось. Только у нас никогда детей не было. Я с тобой бываю груб, неласков, Джуди. Ты уж не попомни зла.

Они сели рядом и стали вместе смотреть на драму, которая разыгрывалась внизу.

Долго они сидели так. Люди толпились на тротуаре, толкаясь, задавая вопросы, оглашая улицу говором, слухами и неосновательными предположениями. Миссис Мэрфи то исчезала, то появлялась, прокладывая себе путь в толпе, как большая, рыхлая гора, орошаемая звучным каскадом слез. Курьеры прибегали и убегали.

Вдруг гул голосов, шум и гам на тротуаре перед пансионом стали громче.

— Что там такое, Джуди? — спросил мастер Мак-Каски.

— Это голос миссис Мэрфи, — сказала жена, прислушавшись. — Говорит, нашла Майка под кроватью у себя в комнате, он спал за свертком линолеума.

Мистер Мак-Каски расхохотался.

— Вот тебе твой Филан, — насмешливо воскликнул он. — Пат такой штуки ни за что не отколол бы. Если бы мальчишку, которого у нас нет, украли бы или он пропал бы неизвестно куда, черт с ним, пускай назывался бы Филан да валялся бы под кроватью, как паршивый щенок.

Миссис Мак-Каски тяжело поднялась с места и пошла к буфету — уголки рта у нее были опущены.

Полисмен Клири появился из-за угла, как только толпа рассеялась. В изумлении, насторожив ухо, он повернулся к окнам квартиры Мак-Каски, откуда громче прежнего слышался грохот тарелок и кастрюль и звон швыряемой в кого-то кухонной утвари. Полисмен Клири вынул часы.

— Провалиться мне на этом месте! — воскликнул он. — Джон Мак-Каски с женой дерутся вот уже час с четвертью по моему хронометру. Хозяйка-то потяжелей его фунтов на сорок. Дай бог ему удачи.

Полисмен Клири опять повернул за угол. Старик Денни сложил газету и скорей заковылял вверх по ступенькам крыльца — как раз вовремя, потому что миссис Мэрфи уже запирала двери на ночь.

На чердаке

Первым долгом миссис Паркер показала бы вам спальню-гостиную. Вы не осмелились бы при этом прервать описание всех преимуществ этой комнаты и добродетелей господина, занимавшего ее в течение восьми лет. Лишь потом вам удалось бы робко пролепетать, что вы не врач и не дантист. Миссис Паркер так встречала это признание, что после этого вы уже не могли относиться по-прежнему к вашим родителям, не озаботившимся обучить вас профессии, которая подошла бы к спальне-гостиной миссис Паркер.

Затем вы поднялись бы на лестницу и осмотрели бы комнату во втором этаже, выходящую во двор: стоила она восемь долларов. Вполне убедившись, благодаря бельэтажной манере миссис Паркер, что эта комната безусловно стоит тех двенадцати долларов, которые платил за нее мистер Тузенберри, пока он не уехал во Флориду заведовать апельсиновой плантацией своего брата около Пальм-Бич, где, между прочим, всегда проводит зиму миссис Мак-Интайр, занимающая две комнаты на улицу с отдельной ванной, — вполне приняв это во внимание, вы могли бы ухитриться кое-как пробормотать, что вам нужно что-нибудь еще подешевле.

Если бы вам удалось пережить презрительный взгляд миссис Паркер, вас повели бы осмотреть большую комнату мистера Скиддера в третьем этаже. Комната мистера Скиддера не стояла пустая; он целый день сидел в ней, курил папиросы и писал пьесы для театра. Тем не менее всех искателей приюта водили сюда, чтобы они могли полюбоваться на портьеры в этой комнате. После каждого такого посещения мистер Скиддер, от страха перед возможным выселением, уплачивал часть денег вперед.